

Глава двенадцатая. Домашний уют

Лестничная площадка перед ней была погружена в непроглядную тьму, уходящую винтом вниз, в бездонную глубину.

Щелчок — она нажала на кнопку фонарика, и тонкий, но яркий луч прорезал мрак.

Свет немного притупил страх, сжимавший сердце.

Шаг, ещё шаг, и снова шаг... Она шла, казалось, целую вечность, но конца пути всё не было видно.

В душе поднялся неконтролируемый ужас. Она отступила назад, пятка наткнулась на край ступеньки, и из груди вырвался приглушенный стон. Ли Хуа пошатнулась и полетела вниз, фонарик выскользнул из рук, с сухим стуком ударился о ступени, несколько раз мигнул в темноте и окончательно погас.

В звенящей тишине было слышно лишь её собственное сбивчивое дыхание. В этой глубокой тьме пространство казалось затаившимся зверем, который ждал — ждал самого подходящего момента.

Дописав последнюю строчку, Ли Хуа с облегчением выдохнула. В этот же миг дверь с грохотом распахнулась. Ли Хуа вздрогнула, едва не удалив всё только что написанное.

Обернувшись, она увидела стройную фигуру Чи Ханьцинь. Та, как обычно, хранила на лице невозмутимое выражение, но, встретившись с её пронзительными миндалевидными глазами и плотно сжатыми губами, Ли Хуа сразу поняла: подруга чем-то недовольна.

Ли Хуа недоумевала: что могло случиться? Неужели пробы прошли неудачно?

— Раз уж ты дома, почему не отзываешься? Я звала тебя несколько раз, — отчеканила Чи Ханьцинь.

На самом деле она вернулась больше получаса назад. Увидев в прихожей аккуратно расставленные кроссовки Ли Хуа, она решила приготовить ужин. Купила продукты, всё подготовила, но, когда позвала Ли Хуа, ответа не последовало. Она звала снова и снова — тишина. Чи Ханьцинь начала волноваться.

Может, она ушла? Но обувь на месте. А если дома, почему молчит? Даже свет в комнате не включила.

Прожив вместе некоторое время, Чи Ханьцинь успела узнать рассеянный характер Ли Хуа и искренне беспокоилась, не случилось ли чего.

Она тут же бросилась в комнату Ли Хуа, распахнула дверь и застала ту за компьютером. Оказалось, зря переполошилась.

Ли Хуа невинно захлопала глазами:

— Не ожидала, что ты вернешься так рано, ещё даже не стемнело! — она смущенно высунула кончик языка.

Чи Ханьцинъ тяжело вздохнула:

— Впредь не сиди в комнате в полной тишине, ты меня сегодня напугала!

— Ой? Прости, я так увлеклась. Но... — Ли Хуа обдумала последние слова подруги, — ты что, волновалась за меня?

— Раз уж ты живешь в моем доме, я обязана следить за твоей безопасностью, — ответила Чи Ханьцинъ, отвернувшись. Она даже не взглянула на Ли Хуа, но её маленькие аккуратные ушки предательски покраснели.

Ли Хуа усмехнулась про себя: почему она иногда бывает такой колючей? Ведь на самом деле она такая мягкая.

Думая об этом, она вслух ответила вполне серьезно:

— Хорошо, я поняла. Кстати, зачем ты меня звала?

— Помочь с ужином, — сухо бросила Чи Ханьцинъ, когда румянец спал.

Ли Хуа кивнула, сохранила документ и встала:

— Пойдем.

Кухня была невелика, но двум стройным девушкам в ней было не тесно. Под теплым желтоватым светом лампы Ли Хуа с изумлением наблюдала, как изящные пальцы Чи Ханьцинъ ловко управляют с баночками и склянками.

— Не может быть! Чи Ханьцинъ, ты умеешь готовить?

Чи Ханьцинъ бросила на неё взгляд, и в уголках её губ промелькнула насмешливая улыбка:

— Я не ты, чтобы быть такой избалованной.

На слове избалованной она сделала особый акцент.

Ли Хуа тут же покраснела. Надув щеки, она пробормотала в ответ:

— Я вовсе не избалованная, просто... просто у меня руки не из того места растут...

Видя, как Ли Хуа понурила голову, Чи Ханьцинъ решила больше её не поддевать:

— Я сейчас буду жарить овощи, смотри и учись.

— Угу! — Ли Хуа энергично закивала.

Загорелся газ, на сковороде плеснули масла, и вскоре раздалось шипение. Ли Хуа, пересиливая легкую неловкость, встала рядом и начала наблюдать. Чи Ханьцинъ ловким движением опрокинула в сковороду зелень, пламя взметнулось вверх, издав громкий звук.

Ли Хуа вскрикнула и отпрянула. Чи Ханьцинъ даже не посмотрела на неё, лишь уголки её губ изогнулись в загадочной улыбке.

Она невозмутимо добавила немного воды и принялась помешивать овощи. Вид у неё был

совершенно спокойный.

— Ты совсем не боишься брызг масла? — с любопытством спросила Ли Хуа.

Чи Ханьцинъ взглянула на неё и коротко ответила:

— Нет.

Ли Хуа лишь хмыкнула и потерла нос.

Вода, соль, тарелки... Один приказ, одно действие — они работали на удивление слаженно.

День выдался жарким, и в тесной кухне от плиты стало совсем душно. Ли Хуа вспотела, её воротник намок. Она расстегнула две верхние пуговицы рубашки и вытерла пот бумажной салфеткой.

Чи Ханьцинъ обернулась и увидела её изящную, ослепительно белую ключицу. Сердце девушки пропустило удар. Не успела она осознать свои чувства, как Ли Хуа подалась вперед:

— Ты тоже вспотела. — Ли Хуа машинально вытерла ей лоб. Чи Ханьцинъ застыла, не успев отстраниться.

Когда Ли Хуа отошла, Чи Ханьцинъ поняла, что её сердце снова пропустило удар. Она не понимала, что с ней происходит.

Рассеянно дожарив последнее блюдо, Чи Ханьцинъ отнесла тарелки в гостиную. Увидев сияющую улыбку Ли Хуа, она подумала: ладно, сначала поедим.

Рыба с ароматом мяса, жареный салат-латук и суп из помидоров с яйцом — одно мясное, одно овощное и суп. Блюда выглядели великолепно и источали потрясающий аромат. Ли Хуа сделала глубокий вдох и, с трудом сдерживая слюнки, взяла палочки.

— М-м, как вкусно! — с довольным видом воскликнула Ли Хуа, настоящая любительница поесть.

Чи Ханьцинъ улыбнулась и тоже попробовала еду.

Ли Хуа знала, что Чи Ханьцинъ умеет готовить, но это было в будущем, когда та уже добилась успеха. Она и подумать не могла, что в начале пути та уже так мастерски справляется.

Ли Хуа чувствовала какое-то странное удовлетворение, отчего еда казалась ещё вкуснее.

— Знаешь, ты первый человек, который ест мою стряпню, — тихо сказала Чи Ханьцинъ, проглотив кусочек. — Впервые я начала готовить в тринадцать лет. Мама была слишком занята, часто пропадала на работе, а еда в ресторанах стоила дорого. Я тогда росла, ела много, а если не наедалась — было тяжело. Пришлось учиться.

Потом она стала свободна, но я начала работать... А потом она попала в больницу... И я... я так ни разу не приготовила ей ни одного обеда!

Чи Ханьцинъ всегда придерживалась правила молчать во время еды, но сегодня, в этой уютной обстановке, она вспомнила, как много лет назад сидела за столом с матерью. Воспоминания уже потускнели, но то чувство навсегда запечатлелось в её сердце.

Её мягкая улыбка была полна печали и хрупкости. Ли Хуа стало больно смотреть на неё, и она поспешно сказала:

— Ты замечательная.

Чи Ханьцинь подняла глаза, в которых застыла скорбь. Ли Хуа повторила с нажимом:

— Ты замечательная, правда!

— Спасибо.

Услышав искренний голос Чи Ханьцинь, Ли Хуа замедлила темп еды.

Чи Ханьцинь вызывала глубокое сочувствие. Лань Ин вырастила её в одиночку, и едва став совершеннолетней, девушка взвалила на свои плечи груз семейных долгов.

Неудивительно, что в итоге она пришла в ненавистный ей шоу-бизнес. Даже став знаменитой актрисой, она несла на себе груз прошлых несчастий.

А если вспомнить, что в конце жизни она осталась совсем одна, глядя на свою одинокую тень в лучах заката, сердце Ли Хуа сжималось от боли.

Подумав немного, Ли Хуа осторожно спросила:

— А ты... ты когда-нибудь думала о том, каким человеком был твой отец?

Чи Ханьцинь отложила палочки и слегка опустила голову, так что тени скрыли её лицо:

— Почему ты спрашиваешь?

Ли Хуа нервно пояснила:

— Да так, ни о чем особенном. Просто подумала, если вдруг когда-нибудь ты его встретишь...

— У меня нет отца, — отрезала Чи Ханьцинь, сложив руки на столе. Её лицо стало ледяным.

Ли Хуа замолчала, широко открыв глаза.

— У меня нет отца, — по слогам повторила Чи Ханьцинь с нескрываемой жесткостью.

Ли Хуа опустила взгляд:

— Прости.

— Ничего, — равнодушно бросила Чи Ханьцинь.

Хотя они не обсуждали детали, обе прекрасно понимали, в чем дело.

— Э-э, — Ли Хуа попыталась сменить тему на более веселую, — ты сегодня так рано вернулась, пробы прошли успешно? Я же говорила, ты обязательно справишься!

Чи Ханьцинь нахмурилась, вспоминая события в зале для прослушиваний.

Под её внешней холодностью в глубине миндалевидных глаз промелькнула искра. В маленькой комнате для прослушиваний назревала буря.

Она не мигая смотрела на Сюй Чэньсин. Её глубокий, прекрасный взгляд был настолько пронзительным, что та не выдержала и заерзала на стуле, раздраженная до предела. Только тогда Чи Ханьцинъ отвела глаза.

Она сделала легкий шаг вперед, каждое её движение было наполнено невероятной грацией. Сюй Чэньсин заметила, как мужчина рядом с ней не смог скрыть восхищения, и на мгновение её лицо исказилось от злобы. Но она быстро взяла себя в руки и натянула на лицо кокетливую улыбку.

Чи Ханьцинъ слегка опустила голову, обвела взглядом присутствующих и произнесла:

— Вы даже не посмотрели на мою игру, но так спешите делать выводы. Не слишком ли это опрометчиво?

Сюй Чэньсин скривила губы в ироничной усмешке:

— Ну хорошо, покажи, на что ты способна!

Она повернулась к режиссеру и что-то прошептала. Тот кивнул и сказал Чи Ханьцинъ:

— Что ж, раз так, сыграй сцену разрыва между сестрами.

Этот сериал назывался Битва драгоценностей — история о бизнесе и любви. Сюжет строился на том, как двадцать лет назад в семье председателя ювелирного дома Группа компаний Хуажуй перепутали двух младенцев, что привело к трагедии спустя два десятилетия.

Героиня, которую должна была играть Чи Ханьцинъ, была лучшей подругой главной героини, но по иронии судьбы они влюбились в одного мужчину. Из-за интриг второй героини и череды недопониманий они стали врагами, и в конце концов подруга погибла, спасая главного героя.

Чи Ханьцинъ предстояло сыграть сцену их разрыва. Сцена была сложной, и было ясно, что Сюй Чэньсин приложила все усилия, чтобы выставить её на посмешище.

Чи Ханьцинъ не растерялась:

— Хорошо, — ответила она и повернулась боком.

Есть люди, которых природа одарила всем: куда бы они ни пришли, они сияют, а актерский талант у них в крови.

Чи Ханьцинъ подняла голову, глядя в пустоту перед собой. Вдруг она сделала жест левой рукой, будто отталкивая кого-то, и резко отступила назад. Её черные прямые волосы взметнулись в решительном порыве.

Она впиалась взглядом в воздух, глаза мгновенно покраснели, в них заблестели слезы. Она закусила губу, не давая им пролиться.

Руки, сжатые в кулаки, медленно разжались. Она, не оглядываясь и не меняясь в лице, прошла мимо воображаемого человека.

За всю сцену она не произнесла ни слова, но с невероятной точностью передала невыносимую боль, отчаяние и решимость героини, которая навсегда уходит прочь.

Долгое время в комнате стояла тишина. Даже Сюй Чэньсин пришла в себя не сразу. В её

взгляде, направленном на Чи Ханьцинью, смешались недоверие и жгучая зависть.

Режиссер долго размышлял, а потом неловко произнес:

— Вы сыграли замечательно, но ваш образ... он не совсем подходит...

Чи Ханьцинья кивнула:

— Я тоже так думаю.

Услышав это, Сюй Чэньсин удивилась. Что она задумала?

Чи Ханьцинья спокойно продолжила:

— Я помню, что в конце сериала есть персонаж, чей типаж мне подходит. Уверена, я смогу его сыграть. Прошу, дайте мне шанс.

Роль, о которой говорила Чи Ханьцинья, была небольшой — персонаж появлялся лишь в последних пяти-шести сериях, но играл важную роль в развитии отношений главных героев и укреплении семьи. Персонаж был загадочным, происходил из богатой семьи, отличался невероятной красотой и в итоге уезжал обратно в Америку.

Чи Ханьцинья поняла: Сюй Чэньсин во что бы то ни стало не даст ей сыграть главную роль. Поэтому она решила отступить на шаг назад и выбрать подходящий образ. Теперь-то им не к чему придраться, ведь у неё есть талант, к тому же её лично рекомендовал Тэлайсы!

К тому же, пусть роль и маленькая, но если сыграть её блестяще, можно быстро завоевать популярность.

Режиссер не стал долго думать и отрезал:

— Хорошо. Приходи на съемочную площадку через два месяца.

Уходя, Сюй Чэньсин была чернее тучи.

<http://bllate.org/book/21687/2236880>